

Каутский Карл

**Законодательная охрана труда и
8-и часовой рабочий день**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл К.**
Законодательная охрана труда и 8-и часовой рабочий день / Каутский Карл – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 60 с.

ISBN 978-5-519-88671-0

ISBN 978-5-519-88671-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ машинное производство становится господствующимъ, рабочій все болѣе и болѣе отходитъ на второй планъ и становится, наконецъ, придаткомъ машины. Когда опъ работалъ инструментомъ, то самъ его примѣнялъ и самъ имъ управлялъ, теперь же ему приходится только смотрѣть за машиной, ей повиноваться и приспособлять свою работу къ ея работѣ. Но эта работа очень несложна; она, обыкновенно, не требуетъ ни силы, ни особой ловкости, приобретаемой продолжительнымъ упражненіемъ. Для нея достаточно и слабыхъ силъ необученнаго и необразованнаго рабочаго. Въ очень многихъ случаяхъ можно мужской трудъ замѣнить женскимъ и дѣтскимъ; обученныхъ рабочихъ—необученными. Употребленіе всей массы пролетаріевъ въ промышленности стало возможнымъ только съ введеніемъ машины. Съ другой стороны, машина является тѣмъ могущественнымъ рычагомъ, который способствуетъ еще большому увеличенію пролетаріата. Въ земледѣліи—машина разоряетъ мелкихъ крестьянъ и дѣлаетъ наемныхъ рабочихъ излишними; въ промышленности—она приводитъ къ гибельной для ремесленниковъ и кустарей конкуренціи. Такимъ образомъ, она создала и продолжаетъ создавать все новые кадры пролетаріевъ, которыхъ она выбрасываетъ на рабочій рынокъ, гдѣ они продаютъ свою рабочую силу. Здѣсь машина дѣйствуетъ на законъ спроса и предложенія въ очень благоприятномъ для капиталиста смыслѣ. Число предлагающихъ свой трудъ рабочихъ превышаетъ потребность въ нихъ не только время отъ времени, но уже и постоянно. Для пониженія заработной платы, для увеличенія рабочаго времени и для привлеченія рабочихъ къ самой вредной и отвратительной работѣ предпринимателямъ уже болѣе не нужна государственная помощь; нужда скорѣе, чѣмъ законъ и полиція, дѣлаетъ рабочихъ покладистыми.

Машина не только увеличиваетъ количество пригодныхъ рабочихъ и, такимъ образомъ, способствуетъ предложенію рабочей силы, превышающему спросъ на нее; она усиливаетъ экономическую власть капитала надъ рабочими еще и тѣмъ, что предоставляетъ въ распоряженіе капитала самыхъ беззащитныхъ изъ среды пролетаріата—женщинъ и дѣтей, которыя не только что сами не способны къ малѣйшему сопротивленію, но еще своимъ появленіемъ на рабочемъ рынкѣ способствуютъ подавленію попытокъ къ сопротивленію со стороны рабочихъ мужчинъ. И вотъ, благодаря машинѣ, капиталъ достигаетъ безграничнаго могущества въ производствѣ и получаетъ возможность понижать до минимума заработную плату, безмѣрно увеличивая рабочее время и вводя такія условія труда, при помощи которыхъ дѣлается возможнымъ

получать отъ рабочаго въ кратчайшій промежутокъ времени, при наименьшихъ издержкахъ, наибольшій продуктъ труда. Но машина не только дѣлаетъ возможнымъ все это, она буквально вынуждаетъ къ этому. Въмѣсто того, чтобы облегчить бремя рабочаго класса, она его отягчаетъ и дѣлаетъ невыносимымъ. Стремленіе къ наибольшему удлиненію рабочаго времени неизбѣжно связано съ эксплуатаціей рабочей силы. Чѣмъ длиннѣе рабочий день, тѣмъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, перенѣсъ стоимости продукта труда надъ издержками по содержанію рабочаго, тѣмъ больше прибыль эксплуататора. Благодаря машинѣ къ этому моменту присоединяется еще и другой.

Рабочій, производя какой-нибудь предметъ, не только создаетъ новую цѣнность, но воспроизводитъ и прежнюю цѣнность: стоимость переработаннаго сырого матеріала и инструмента, по мѣрѣ того, какъ онъ изнашивается, снова появляется въ продуктѣ. Стоимость инструмента, который совсѣмъ не употреблялся или же употреблялся въ недостаточной мѣрѣ, въ первомъ случаѣ совершенно теряется, а во второмъ—частично. Потеря при маломъ инструментѣ незначительна. Того же самого нельзя сказать о крупной машинѣ. Въ машину вложенъ большой капиталъ, который пропадетъ совершенно или отчасти, если машина не поглощаетъ столько работы, сколько она можетъ и должна поглощать при данныхъ производственныхъ условіяхъ. Машина должна производить не только, *какъ можно больше*, но еще и *какъ можно быстрѣе*, потому что она изнашивается не только отъ работы, но и отъ бездѣйствія; а кромѣ того, владѣлецъ машины долженъ быть всегда наготовѣ, что она устарѣетъ и обезцѣнится, благодаря какому-нибудь новому изобрѣтенію. Этимъ то и объясняется стремленіе, какъ можно больше и скорѣе использовать машину. Каждый часъ, въ продолженіе котораго машины бездѣйствуютъ по винѣ рабочихъ, кажется крупному промышленнику грабежомъ, производимымъ у него рабочими; ему было бы всего пріятнѣе, если бы машина находилась въ непрерывномъ ходу. Да, машина не облегчила пролетаріату бремя его труда! Введеніе машины сопровождается безграничнымъ увеличеніемъ рабочаго дня, не только для мужчинъ, но и для женщинъ и дѣтей; машина требуетъ непрерывнаго производства, ночного и воскреснаго труда.

Вредъ, приносимый машиной рабочимъ мелкихъ производствъ, изготовляющихъ продукты посредствомъ одного только навыка или же при помощи устарѣвшихъ несовершенныхъ машинъ, еще болѣе великъ, чѣмъ тотъ вредъ, который она приноситъ рабочимъ крупныхъ производствъ. Способъ, къ которому прибѣгаютъ такіе отсталые предпріятія для того, чтобы имѣть возможность хоть

сколько-нибудь конкурировать съ предпріятіями, стоящими на высотѣ развитія современной техники, заключается въ ихъ стремленіи опередить крупныя предпріятія въ дѣлѣ эксплуатаціи рабочихъ, при чемъ они стараются принимать на работу женщинъ и дѣтей въ сравнительно большемъ количествѣ, чѣмъ мужчинъ. Первой страной, въ которой могли обнаружиться и дѣйствительно обнаружались всѣ послѣдствія машиннаго производства, была Англія. Здѣсь машина была введена въ ткацкой промышленности въ концѣ XVIII-го столѣтія, а уже въ первой половинѣ XIX-го вѣка она быстро завоевала одну область промышленности за другой.

Кто хочетъ знать, какъ дѣйствуетъ крупно-капиталистическое производство, когда оно вполне свободно предоставлено самому себѣ, когда ни вмѣшательство государства, ни «деспотизмъ» рабочихъ организацій не нарушаютъ «естественной игры экономическихъ силъ»,—тотъ пусть изучитъ экономическую исторію Англіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія; «Капиталъ» Маркса, «Положеніе рабочаго класса въ Англіи» Энгельса, вмѣстѣ съ новѣйшими сочиненіями (напр., двѣ книги А. Гельда о соціальной исторіи Англіи, Вейера объ англійской фабричной инспекціи и пр.) даютъ достаточно ясную картину этого.

На многихъ фабрикахъ рабочее время доходило до 14. 16 и даже 18-ти часовъ въ день. Другимъ фабрикантамъ и этого было мало; они ввели непрерывное производство, причемъ установили 2 смѣны рабочихъ: дневную и ночную. Нашлись даже и такіе предприниматели, которые довели свою «бережливость» до того, что установили неполныя смѣны, заставляя многихъ рабочихъ работать по 30, 40 часовъ подрядъ и вдобавокъ еще по нѣсколько разъ въ недѣлю.

Въ 1839 году въ Англіи насчитывалось 419,560 фабричныхъ рабочихъ изъ нихъ мужчинъ старше 18-ти лѣтъ было только 96,569, т. е. *менѣе четверти*. Число рабочихъ моложе 18-ти лѣтъ доходило до 192,887, т. е. было *вдвое больше* числа взрослыхъ мужчинъ. Большинство же рабочихъ 242,296—были женщины.

Алчное стремленіе фабрикантовъ къ примѣненію нѣжныхъ дѣтскихъ рукъ въ производствѣ не знало никакихъ границъ. Такъ какъ фабричныя округа не могли поставлять достаточнаго количества дѣтей, то фабриканты откупали ихъ у лондонскихъ властей изъ пріютовъ для бѣдныхъ; цѣлыми пароходами дѣти отправлялись на сѣверъ, гдѣ они погибали на фабрикахъ.

Несчастныя малютки уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ были обречены на каторжный трудъ. Фабричная работа 6-ти и 7-ми-

лѣтнихъ дѣтей была обыденной вещью; во время парламентской анкеты на одной фабрикѣ былъ найденъ трехлѣтній ребенокъ, а въ машинномъ производствѣ кружевъ—*двулѣтній*, имѣвшій постоянное занятіе.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если при такихъ условіяхъ фабричныя рабочіе вырождались и физически, и духовно. Они хирѣли и быстро старились. Сорокалѣтній рабочій считался уже старымъ и неспособнымъ къ труду. Въ Ливерпулѣ средняя продолжительность жизни въ 1840 г. для высшихъ классовъ равнялась 55, для рабочихъ же всего 15 годамъ. Пьянство быстро возрасло, преступность также. Число арестовъ за уголовныя преступленія составляло въ Англіи:

Въ 1805 году	. . .	4.605
» 1815 »	. . .	7.898
» 1825 »	. . .	14.437
» 1835 »	. . .	20.731
» 1842 »	. . .	31.309

За 37 лѣтъ оно увеличилось въ семь разъ.

Казалось, что рабочее населеніе, на которомъ покоилось все величіе и могущество Англіи, обречено на гибель и вырожденіе.

Разрушительныя дѣйствія фабричной системы не остались незамѣченными. Но первыми возстали не рабочіе, страдавшіе отъ нея, а гуманные филантропы изъ буржуазіи и впереди всѣхъ *Робертъ Оуэнъ*. Практичный мечтатель и вмѣстѣ съ тѣмъ фабрикантъ, онъ ввелъ на своей фабрикѣ цѣлый рядъ улучшеній и прежде всего *десятичасовой рабочий день*,—это было по тогдашнему времени неслыханнымъ пововведеніемъ. Ему удалось поднять вырождавшееся физически и морально рабочее населеніе и превратить свое предпріятіе изъ проклятаго мѣста мученій въ счастливую общину; и при всемъ этомъ, доходность предпріятій еще увеличилась.

Но то, что удалось неустрашимому, самоотверженному и преданному своему дѣлу Роберту Оуэну, то не могло удаться ограниченному и равнодушному фабриканту средней руки, да и нельзя было ожидать хотя-бы малѣйшей попытки устранить невозможныя условія труда отъ жестокой и червотой алчности фабрикантовъ. Не смотря на то, что опытъ, продѣланный Оуэномъ, оказался блестящимъ, онъ остался единственнымъ. Ничто не могло побудить фабрикантовъ добровольно послѣдовать этому примѣру. А масса страдавшихъ рабочихъ была беззащитна и неспособна, путемъ непосредственной экономической борьбы, заставить фабрикантовъ улучшить ихъ положеніе. Государственное вмѣшательство сдѣлалось настоятельной необходимостью. Государство одно только обла-

дало силой, необходимой для того, чтобы заставить фабрикантов стать человѣчнѣе.

Все громче возвышалось свой голосъ общественное мнѣніе, возбужденное Робертомъ Оуэномъ и его послѣдователями, и требовало отъ государства охраны рабочихъ. Такъ начало зарождаться фабричное законодательство. Послѣднее, слѣдовательно, имѣетъ своимъ источникомъ не филантропическое чувство или чисто теоретическія соображенія, а только *необходимость*.

Уже въ 1802 г. безсонѣтная торговля дѣтьми изъ пріютовъ для бѣдныхъ вызвала необходимость изданія закона для покровительства этихъ беззащитнѣйшихъ изъ всѣхъ беззащитныхъ существъ; фабричныя законы 1818, 1825 и 1831 гг. были, по большей части, слѣдствіемъ агитаціи Оуэна; всѣ они имѣли въ виду лишь дѣтскій трудъ и только ткацкую промышленность, въ которой раньше всего было введено машинное производство, и въ которой прежде всего обнаружались гибельныя стороны крупной капиталистической промышленности.

Но всѣ эти законы остались мертвой буквой. Парламентъ, согласившійся на изданіе ихъ для успокоенія недовольства, вызваннаго фабричными ужасами, сумѣлъ въ то же время не возставить противъ себя и фабрикантовъ: ни одного гроша не было ассигновано для обезпеченія практическаго примѣненія этихъ законовъ. Такимъ образомъ, они оказались лишенными какого-бы то ни было значенія. Хотя примѣръ Оуэна и показалъ воочию, что сокращеніе рабочаго времени не принесетъ фабрикантамъ никакого убытка, или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь преходящій ущербъ; хотя господствующіе классы и знала, что если не изъ человѣчности, не ради общественнаго блага, то уже въ собственныхъ интересахъ необходимо положить предѣлъ быстрому уничтоженію пролетаріата:—вѣдь все ихъ могущество, все ихъ богатство зависѣло отъ существованія трудоспособнаго рабочаго класса; они понимали, что примѣнять дальше такую фабричную систему—значить подпиливать сукъ, на которомъ они сами сидятъ; однако, не смотря на все это, капиталисты не выказывали ни малѣйшаго желанія принести хотя бы ничтожнѣйшую жертву въ настоящемъ для крупной, постоянной выгоды въ будущемъ, необходимой, какъ имъ, такъ и обществу. «Капиталъ» въ своемъ практическомъ движеніи такъ же мало руководствуется соображеніями о грядущемъ вырожденіи человѣчества и о неудержимой тенденціи народонаселенія къ уменьшенію, какъ и возможностью паденія земли на солнце... Послѣ меня хоть потопъ! Таковъ девизъ каждаго капиталиста и всякой капиталистической націи» (Марксъ). Что касается вліятельныхъ слоевъ общества, не принадлежащихъ къ средѣ фаб-

рикантовъ, то они не обладали достаточной энергіей для того, чтобы даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда у нихъ оказывалось необходимое для этого благоразуміе и доброе желаніе, *навязать* капиталу силой необходимыя ограниченія; казалось, что неудержимое развитіе фабричной системы означать неизбежное крушеніе буржуазнаго общества. Буржуазія оказалась неспособной служить представительницей интересовъ всего общества, и вотъ въ первый разъ въ исторіи выступилъ на первый планъ *рабочій классъ*, въ качествѣ истиннаго спасителя общества и истиннаго носителя культуры.

Какъ ни быстро развивалась крупная капиталистическая промышленность, она все же не подчинила себѣ однимъ ударомъ все производство и весь рабочій классъ; но повсюду чувствовалось ея вліяніе. Если съ одной стороны, промышленность и стремилась превратить рабочихъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыми она овладѣла, въ безвольныхъ и беззащитныхъ рабовъ, то съ другой стороны, она побуждала тѣ элементы рабочаго класса, которые обладали извѣстной способностью къ сопротивленію, соединяться и защищать свои общіе интересы. Надавшись рядомъ единичныхъ и несвязныхъ попытокъ къ возмущенію, борьба рабочихъ приняла вскорѣ систематическій и постоянный характеръ. Пролетаріи начали проникаться пониманіемъ существующаго положенія вещей, сознаніемъ солидарности интересовъ всего рабочаго класса. Это движеніе крѣпло и росло, благодаря тому что совпало съ двумя движеніями среди господствующихъ классовъ. Первое изъ нихъ было борьбой промышленной и мелкой буржуазіи съ денежною и землевладѣтельской аристократіей изъ-за господства въ государствѣ, которое до тѣхъ поръ принадлежало безраздѣльно послѣднимъ. Въ этой борьбѣ обѣ партіи старались посредствомъ всевозможныхъ обѣщаній и уступокъ привлечь на свою сторону пролетаріатъ. На ряду съ этимъ движеніемъ еще существовало упомянутое движеніе, во главѣ котораго стояли филантропы Оуэнъ, Пиль, Садлеръ, Остлеръ и др., движеніе, которое только тогда приобрѣло силу и значеніе, когда нашло откликъ въ средѣ рабочихъ, гдѣ оно, конечно, скоро приняло совершенно иной характеръ.

Этой борьбой, выражавшейся не въ словесныхъ турнирахъ, а въ активномъ выступленіи были добыты двѣ, вначалѣ незначительныя уступки, которыя затѣмъ непрерывно развивались и способствовали возрожденію, по крайней мѣрѣ, одной части англійскаго пролетаріата; этими уступками были—*право коалиціи*, данное въ 1824 г. и *фабричный законъ* 1833 года. Здѣсь мы займемся лишь послѣднимъ.

Хотя ограниченія, налагаемыя этимъ закономъ на фабрикантовъ, намъ и покажутся незначительными, однако, по сравненію съ невѣроятной эксплуатаціей, господствовавшей въ то время, они, были очень существенны. Работа дѣтей моложе 9-ти лѣтъ была запрещена (съ исключеніями); работа дѣтей отъ 9 до 13 была ограничена 8-ью часами въ день; работа подростковъ отъ 13 до 18 лѣтъ—12-ю часами—опять таки съ исключеніями. Законъ имѣлъ силу только для фабрикъ въ области ткацкой промышленности.

Но самымъ важнымъ пунктомъ этого закона, пунктомъ дѣлавшимъ изъ него первый, дѣйствительно примѣнимый на практикѣ фабричный законъ, было назначеніе фабричныхъ инспекторовъ, которые должны были наблюдать за исполненіемъ этого закона.

Два слѣдующихъ десятилѣтія прошли въ непрерывной борьбѣ за фабричный законъ: рабочіе, организованные политически въ чартистскую партію и экономически въ многочисленные профессиональные союзы, боролись за расширеніе и улучшеніе закона; фабриканты же боролись за его отмену или ограниченіе, а прежде всего старались обойти его. Быть можетъ, никогда и ни для какой цѣли капиталисты не затрачивали столько изобрѣтательности, упорства и безпощадности, какъ въ данномъ случаѣ, когда они стояли передъ благородной задачей лишить всякаго значенія и эту ничтожную защиту дѣтей. Тѣ самые люди, которымъ никакой законъ не казался слишкомъ суровымъ, когда дѣло касалось охраны неодушевленной собственности, приходили въ ярость отъ самой скромной попытки ограничить промышленное убійство дѣтей.

Между тѣмъ, невозможно было остановить движенія рабочаго класса. Медленно, но вѣрно, завоевали рабочіе все новыя позиціи, и страхомъ, который они внушали, вырвали то, чего они не могли добиться отъ благоразумія общественнаго инстинкта и человеколюбія господствующихъ классовъ. Въ 1844 году ограниченіе рабочаго дня 12 часами, которое до того ограждало только «молодыхъ людей», было распространено и на женщинъ старше 18-ти лѣтъ. Рабочее время дѣтей было сокращено до 6½ часовъ въ день; наконецъ, закономъ 5-го августа 1850 г. *десятичасовой* день для женщинъ и подростковъ (отъ 13 до 18 лѣтъ), занятыхъ въ текстильной промышленности, былъ окончательно установленъ. Собственно, парламентъ уже въ 1847 г. провелъ законъ о десятичасовомъ днѣ, но благодаря сопротивленію фабрикантовъ, открыто издѣвавшихся надъ нимъ, благодаря расположенію къ фабрикантамъ правительства и судовъ, открыто потворствовавшихъ нарушенію этого закона, онъ не имѣлъ никакой силы.

Только угроза насильственного возстанія со стороны рабочихъ вселили капиталистамъ, министрамъ и судьямъ нѣкоторое уваженіе къ этому закону.

Такимъ образомъ, сопротивленіе капиталистовъ по отношенію къ закону о десятичасовомъ днѣ было сломлено; какъ только этотъ законъ прочно утвердился, онъ быстро распространился на всѣ тѣ отрасли промышленности, для которыхъ до того еще не былъ дѣйствителенъ. Въ 1867 году дѣйствіе этого закона было распространено и на мелкія мастерскія, и, наконецъ, въ 1878 г. всѣ многочисленные отдѣльные законы растворились въ одномъ общемъ консолидированномъ законѣ, который еще и понынѣ въ силѣ.

Къ сожалѣнію, этотъ законъ не распространяется на взрослыхъ мужчинъ. И теперь еще онъ имѣетъ силу лишь для женщинъ, подростковъ и дѣтей. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ работаютъ только мужчины, капиталистическая эксплуатація не знаетъ никакихъ предѣловъ. Говоря о благоприятномъ вліяніи рабочаго законодательства въ Англіи, мы не должны забывать, что оно проявляется только по отношенію къ рабочимъ, занятымъ въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ примѣняется женскій и дѣтскій трудъ, то есть въ такихъ, которыя подлежатъ охранѣ. Въ этихъ отрасляхъ ограниченіе рабочаго времени, конечно, оказало свое хорошее дѣйствіе и на мужчинъ, работающихъ вмѣстѣ съ женщинами; тамъ десятичасовой день сдѣлался дѣйствительно нормальнымъ рабочимъ днемъ *).

II. Охрана труда и промышленность.

Законодательная охрана труда раньше всего была введена въ Англіи; не имѣя предъ собою никакого примѣра и образца, она развивалась тамъ совершенно естественно и самостоятельно; поэтому причины и слѣдствія охраны труда могутъ быть лучше всего изслѣдованы и изучены на примѣрѣ Англіи; исторія ея развитія въ Англіи—самая поучительная.

*) Въ последнее время стали употреблять терминъ „максимальный рабочий день“ вмѣсто «нормальный рабочий день». Въ этомъ поповненіи мы не находимъ никакого улучшенія. Законодательное регулированіе рабочаго дня касается не только его *продолжительности*, но также и дѣлаго ряда другихъ пунктовъ; оно, опредѣляетъ напр., *когда* долженъ *начинаться* и *кончатся* рабочий день, когда наступаютъ перерывы въ работѣ и т. д. Въ Англіи эти детали установлены особенно точно, что оказалось на дѣлѣ чрезвычайно важнымъ. Обозначеніе «нормальный рабочий день» охватываетъ всѣ эти правила; выраженіе «максимальный рабочий день» заключаетъ въ себѣ лишь ограниченіе продолжительности рабочаго дня.

При изученіи этой исторіи напрашивается прежде всего слѣдующее важное заключеніе: какъ ни ужасно было вліяніе ничѣмъ не ограниченной капиталистической промышленности на рабочій классъ, эту основу общества, какъ ни глубоко было негодованіе, которое возбуждала эта эксплуатация среди различныхъ слоевъ буржуазіи, не принимающихъ въ ней непосредственного участія; однако доброе ихъ желаніе и сочувствіе оказались недостаточно сильными для того, чтобы преодолѣть сопротивленіе прямо заинтересованныхъ капиталистовъ и ихъ приспѣшниковъ. Только тогда, когда рабочій классъ поднялся на защиту своихъ собственныхъ интересовъ путемъ ожесточенной, отчаянной борьбы, были отвоеваны у капиталистовъ нѣкоторыя реформы, столь-же необходимыя, какъ и умѣренныя; реформы, которыя каждому безпристрастному судѣи должны показаться чѣмъ-то само-собою разумѣющимся.

Но побѣда рабочихъ была бы невозможна, если бы наиболѣе сознательные изъ нихъ думали только о себѣ и боролись бы только за себя, если-бы они не смотрѣли на себя, какъ на авангардъ, какъ на руководителей и организаторовъ всего рабочаго класса, и если бы они не стремились къ тому, чтобы ихъ завоеванія распространялись и на ихъ болѣе слабыхъ товарищей, которые или совершенно или, по крайней мѣрѣ, безъ посторонней помощи, не были въ состояніи защищать свои интересы.

Противники государственной нормировки рабочаго дня говорили и говорятъ, что приобретенное съ помощью государственнаго вмешательства можетъ быть достигнуто лучше и безболѣзненнѣе другимъ путемъ; они указываютъ на то, что многочисленные слои рабочихъ добились безъ вмешательства государства десятичасоваго рабочаго дня, а нѣкоторые — девятичасоваго (даже въ Германіи); такимъ образомъ, при современномъ способѣ производства, рабочіе могутъ улучшить свое положеніе, не прибѣгая къ помощи государства.

Для *нѣкоторыхъ* рабочихъ т. е. для тѣхъ, которые находятся въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, это въ известной степени, конечно, возможно. Но для другихъ это абсолютно невозможно, а между тѣмъ масса этихъ «другихъ», при капиталистическомъ способѣ производства, все болѣе и болѣе возрастаетъ. Если рабочіе каждой специальности ограничиваются только отстаиваніемъ своихъ профессиональныхъ интересовъ и изъ за этого совершенно упускаютъ изъ виду защиту общихъ, великихъ интересовъ, и если при этомъ рабочіе плетутся за либералами, какъ это наблюдалось въ теченіе нѣкотораго времени въ 60-ыхъ годахъ въ Англіи и отчасти замѣчается еще и теперь, тогда рабочій классъ скоро раскалывается на двѣ части: одни изъ нихъ, при наличности бла-

гопріятныхъ условій, становятся все болѣе возвышающейся рабочей аристократіей; другіе-же, для которыхъ не существуетъ никакихъ особенныхъ экономическихъ и государственныхъ условій, становятся безнадежно погрязшими поддонками, погибшими существами, не способными подняться собственными усиліями.

Но рабочей аристократіи тоже не придется долго пользоваться плодами своего эгоизма. Солидарность всѣхъ слоевъ рабочего класса и необходимость для сильныхъ идти рука объ руку съ слабѣйшими порождается не только идеальными побужденіями, которыя толкаютъ современныхъ рабочихъ на защиту *всѣхъ угнетенныхъ*, кто бы они ни были, но и хорошо понятымъ собственнымъ *интересамъ*.

Интересы всего рабочего класса и фактически тѣсно между собою связаны; ихъ идеальная солидарность есть только отраженіе ихъ дѣйствительной солидарности. Нельзя угнетать какой-нибудь слой рабочей массы безъ того, чтобы отъ этого не страдали и другіе слои, хотя бы это и не было прямо замѣтно. Увеличивается эксплуатація въ одной отрасли промышленности—увеличивается стремленіе къ эксплуатаціи и въ другихъ областяхъ и наоборотъ.

Гдѣ господствуетъ 13, 14-и часовой рабочій день, тамъ привилегированнымъ рабочимъ труднѣе собственными силами добиться 10-тичасового рабочего дня, а гуманнымъ фабрикантамъ его ввести, чѣмъ тамъ, гдѣ 11-и часовой день сдѣлался нормой. Солидарности интересовъ пролетаріата способствуетъ еще то обстоятельство, что постоянно все новыя и новыя слои рабочихъ попадаютъ изъ благопріятныхъ условій въ неблагопріятныя. Крупная промышленность подвержена постояннымъ переворотамъ. Машина непрерывно захватываетъ все новыя отрасли промышленности, въ которыхъ до тѣхъ поръ, господствовало ручное производство; новыя машины дѣлаютъ ненужными многихъ рабочихъ, замѣняютъ обученныхъ необученными, мужчинъ—женщинами и дѣтьми. Ни одна отрасль производства, даже съ виду наиболѣе огражденная, не гарантирована отъ вторженія машины. Часто это происходитъ совершенно неожиданно, однимъ скачкомъ. Она для своихъ набѣговъ съ особенной любовью выбираетъ тѣ области, въ которыхъ рабочіе наиболѣе способны къ сопротивленію. Вѣдь съ точки зрѣнія капиталистовъ, главная задача машины и состоитъ въ томъ, чтобы сломить силу сопротивленія рабочихъ. Все болѣе увеличивается масса пролетаріевъ, которымъ только съ помощью государственной защиты удастся удержать за собой эту силу сопротивленія, и каждый рабочій, къ какой бы специальности онъ не принадлежалъ, всегда долженъ ожидать, что и онъ не сегодня-завтра присоеди-